

Пензенские дворяне в Отечественной войне 1812 года: Александр Николаевич Струйский

Одной из важных задач стоящих перед исследователями в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., является обращение к личности конкретного человека и его судьбе. Данная публикация посвящена одному из малоизвестных героев той героической эпохи — пензенскому дворянину Александру Николаевичу Струйскому.

Интерес к изучению истории семьи Струйских возник после того, как в 2008 г. в результате проведенной исследовательской работы нам, совместно со старшим научным сотрудником Государственного Исторического музея Е.М. Букреевой, удалось обнаружить в отделе ИЗО ГИМ портрет Евграфа Николаевича Струйского (родного брата А.Н. Струйского), который по какому-то недоразумению долгие годы числился как «Портрет неизвестного». Итогом исследования стало выступление на конференции «Бородино в истории и культуре», состоявшейся в Бородинском государственном военно-историческом музее-заповеднике в сентябре 2009 г., и публикация статьи о Е.Н. Струйском в научном сборнике¹. Проведенные изыскания и установление интересных свидетельств из жизни А.Н. Струйского позволили обратиться и к его биографии.

Род Струйских вел свое происхождение из Польши. Его представители появились в России в конце XV в. в царствование Ивана III. Фамилия Струйских, очевидно, связана с названием польского города Струже, расположенного недалеко от Кракова, и в ранних документах писалась несколько иначе: Стружские, Струшские, Струтцкие, Струсские. Многие представители рода служили «Российскому Престолу разные дворянские службы и жалованы были от Государей в 7120 (1611—1612 гг.) и других годах поместьями». Первым документом, свидетельствующим о поместном владении Струйских, является список с грамоты, датированной июнем 1612 г.² Грамота была выдана Китаю Васильеву сыну Стружскому на нижегородские земли (75 четвертей), данные к его поместному окладу из пустоши немчина Федора Либакина. Примечательно, что она написана от имени бояр и воевод Дмитрия Пожарского «сотоварищи». Очевидно, это свидетельствует о каком-то участии Китая Струйского в событиях Смутного времени. Интересно, что Струйские считали себя в родстве с боярами Шуйскими и Струсями. Среди последних более всего известен Николай Струсь, бывший в 1612 г. командиром польского гарнизона в Москве³. Род Струйских был внесен в 6-ю часть

---

* © Белоусов С.В., 2011

Московской дворянской родословной книги, куда включались «древние благородные роды», «коих доказательства дворянского достоинства» восходили за 100 и более лет до жалованной грамоты Екатерины II, т.е. до 1685 г. В гербовнике дворянских родов Российской империи герб рода Струйских описан следующим образом: «В щите, имеющем голубое поле, изображены три серебряные полумесяца, рогами обращенные в правую сторону. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой виден черный одноглавый орел с распростертыми крыльями. Намет на щите голубой, подложенный серебром»⁴.

Александр Николаевич Струйский родился около 1787 г. в многодетной семье отставного гв. прапорщика Николая Еремеевича Струйского и его жены Александры Петровны, урожденной Озеровой.

Родители Е.Н. Струйского достойны того, чтобы сказать о них несколько слов. Николай Еремеевич родился, вероятно, в Москве в 1749 г. Там же получил хорошее домашнее образование. В 1763 г. он был зачислен в л.-гв. Преображенский полк. Прослужив несколько лет, уже в 1771 г. Н.Е. Струйский подает в отставку. Весной 1772 г. отставной гв. прапорщик сочетается законным браком с юной красавицей Александрой Петровной Озеровой, дочерью помещика Нижнемоловского уезда Пензенской губернии. А.П. Озерова приходилась дальней родственницей графу П.Х. Оболянинову – любимцу Павла I, занимавшему в годы его правления пост генерал-прокурора и женатому на ее двоюродной сестре⁵. Вскоре после свадьбы Николай Еремеевич заказал парные портреты (свой и своей молодой жены) Ф.С. Рокотову, с которым он был дружен⁶. Эти портреты стали настоящей жемчужиной в творческом наследии великого русского художника. Особенно поражает своей величавостью и грациозностью портрет А.П. Струйской, о которой так ярко и проникновенно позднее написал поэт Н.А. Заболоцкий:

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас.

Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

Портрет. 1953 г.

Молодые супруги поселились в Рузаевке, имении, расположенном в 30 верстах от Саранска, которое еще в 1757 г. купил отец Н.Е. Струйского Еремей Яковлевич. Вскоре по соседству с ним были приобретены и другие земельные владения, включавшие такие населенные пункты, как Суркино, Кавторово, Шебдас, Пишли, Пайгарма, Архангельское-Голицыно, Лямбиль, Акшенас, Покрышкино и др., которые фактически составили настоящее «княжество». В конце XVIII в. за Струйскими числилось более 2700 крестьян мужского пола.

Николай Еремеевич, «оставя службу прапорщиком гвардии и пристрастившись к стихотворству, <...> имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его было доведено до наилучшего в то время в России искусства, он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой издания хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысячу верст от столицы в глуши под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылала перстни бриллиантовые в подарок. <...> Странен был в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в деревне был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячиной и представлял живое пособие хаоса»⁷. Н.Е. Струйский с большим пиететом относился к Екатерине II. «Кончина государыни так сильно поразила его воображение, — писал И.М. Долгорукий, — что он слег горячкой, лишился языка и умер очень скоро»⁸.

Александра Петровна была «женщина совсем других склонностей и характера; тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла с самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития, жила в Петербурге и в Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-либо дружеством, сохраняла все малейшие отношения с разборчивостью прямо примерной в наше время. <...> Дома в деревне строгая хозяйка и мастерица своего дела; в городе не скряга, напротив, щедрa и расточительна»⁹. Она пережила мужа более чем на 40 лет и умерла в 1840 г.

Прожив в браке без малого четверть века, Н.Е. и А.П. Струйские имели 18 детей. Лишь 8 из них смогли дожить до совершеннолетия.

Старшим сыном в семье Струйских был Юрий, родившийся в 1774 г. Получив домашнее образование, он был определен в Конную гвардию и вышел в отставку в чине корнета, являясь после смерти отца вместе с

матерью опекуном младших братьев и сестер. Петр (ок.1780–08.11.1845) в раннем возрасте был записан в л.-гв. Семеновский полк. Прослужив несколько лет, он был отставлен в чине поручика. Получив по разделу имущества с. Починки и земли у д. Шебдас, он поселился в Инсарском уезде Пензенской губернии, неоднократно служил по выборам дворянства, а с 1821 по 1824 гг. даже являлся уездным предводителем.

Весьма трагичной оказалась судьба еще одного сына Н.Е. Струйского Леонтия (1783 – 03.10.1823). Именно Леонтий приходился отцом известному поэту А.И. Полежаеву (1804–1838). В мае 1820 г. по решению суда он был послан в Тобольск за то, что избил за какую-то провинность своего управляющего М. Вольнова, скончавшегося от причиненных побоев. В ссылке после продолжительной болезни Л.Н. Струйский и умер.

Александр был четвертым сыном в этой многодетной семье. Пятым был Евграф (ок.1789–27.6.1841), еще ребенком зачисленный на военную службу и отставленный от нее подполковником в 1816 г. Е.Н. Струйский принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Сражался при Бородино, Малом Ярославце, Красном, Люцене, Бауцене, Лейпциге. Находился при взятии Парижа. Он был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой с надписью «За храбрость»¹⁰.

Кроме сыновей в семье Струйских было три дочери: Маргарита (ок.1778 – 02.10.1858), Надежда (1786 – ?) и Екатерина (1792 – ?).

Обратимся к фактам биографии Александра Николаевича Струйского. В декабре 1803 г. после окончания Пажеского корпуса он был зачислен юнкером в Кавалергардский полк. Вскоре (в начале 1804 г.) произошел раздел огромного состояния его умершего отца Н.Е. Струйского. Рузаевское имение досталось А.П. Струйской и двум ее младшим сыновьям Александру и Евграфу. Александре Петровне предоставили в пожизненное владение рузаевский дом и 300 душ крепостных крестьян в с.Архангельское-Голицыно, Саранского уезда. Она должна была производить расходы на содержание построек и общие семейные дела, в т.ч. встречать приезжавших погостить старших сыновей и нести все издержки по содержанию тех детей, которые еще находились дома¹¹.

Летом 1804 г. Александр Николаевич Струйский был переведен корнетом во вновь сформированный уланский Его Императорского Высочества Цесаревича Константина Павловича полк. В составе этого полка он принял участие в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1805 и 1807 гг.

Первым сражением, в котором довелось участвовать молодому корнету, было сражение при Аустерлице. Уланский Его Высочества полк находился в отряде австрийского генерала князя Лихтенштейна и примыкал к левому флангу русской гвардии. Когда на гвардейскую пехоту двинулась французская кавалерийская колонна генерала Келлермана,

состоявшая из трех полков конных егерей и гусар, поддержанная несколькими батальонами пехоты и артиллерией, князь Лихтенштейн решил сдержать их натиск атакой улан. «С криком *ура!* Стремглав понесся Уланский его высочества полк за генералом своим и офицерами, которые скакали перед фронтом, — писал в своих воспоминаниях Ф. Булгарин. — Французская кавалерия, хотя и превосходная числом, обратилась в тыл, проскакала через интервалы, между батальонами пехоты, и построилась за пушками. Уланы бросились на пехоту и, невзирая на жестокий ружейный огонь, пробились через нее. Французская пехота бросилась бегом направо и налево и выстроилась, и артиллерия, стоявшая за пехотою, встретила улан картечью. И это не удержало геройского порыва полка! Уланы смело поскакали на пушки и стали рубить французских артиллеристов <...>. Но при атаке пехоты и при картечных выстрелах сжатый фронт Уланского полка расстроился, и уланы сражались или поодиночке, или малыми толпами <...>. Видя, что уланы уже не могут опереться фронтом, Келлерман бросился на них с тремя отличнейшими полками французской конницы — и уланы должны были обратиться в тыл. Тут приняла их с обоих флангов ружейным огнем та самая пехота, через которую они прежде проскакали, и Уланский полк совершенно расстроился»¹². Ссылаясь на французские источники, автор истории полка В. Крестовский отмечал, что уланы потерпели поражение как «от избытка храбрости», так и «от незнания военного дела»¹³.

В 1807 г. уланский Его Высочества Цесаревича полк вновь принял участие в военных действиях. А.Н. Струйский, получивший в конце 1806 г. чин поручика, в составе своего полка сражался при Гуттштадте и Гейльсберге. В сражении при Фридланде он получил ранение пулей в грудь. Очевидно, именно эта тяжелая рана заставила его на время покинуть военную службу. 12 ноября 1808 г. он был отставлен с чином штабс-ротмистра¹⁴. Однако 30 марта 1810 г. А.Н. Струйский вновь был принят на военную службу и зачислен поручиком в л.-гв. драгунский полк. В октябре 1810 г. он был произведен в штабс-капитаны, а ровно через год — в капитаны.

В это время л.-гв. драгунский полк был расквартирован в Гатчине. Его шефом являлся Его Высочество Цесаревич Константин Павлович. В марте 1812 г. четыре эскадрона полка выступили в поход к западным границам Российской империи, где вошли в состав 1-го резервного кавалерийского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 г. А.Н. Струйский принял участие в боях при Вилькомире, Островно и Какувачино. В Бородинском сражении в составе л.-гв. драгунского полка он участвовал в кавалерийском рейде атамана М.И. Платова и генерала Ф.П. Уварова против левого фланга неприятеля.

После оставления Москвы А.Н. Струйский находился в «партизанах» в «летучем корпусе» генерал-майора И.С. Дорохова, который был послан М.И. Кутузовым на Можайскую дорогу с целью нарушить коммуникации противника. Он отличился в столкновениях с французами

при деревнях Шарапово, Садино, Бурцово. За время рейда отряд Дорохова (Елизаветградский гусарский, л.-гв. драгунский и три казачьих полка при двух орудиях) уничтожил 106 зарядных фур, взял в плен 25 офицеров и около 680 солдат. Его итогом стало то, что Наполеон вынужден был разместить на Можайской дороге несколько кавалерийских полков и принять некоторые другие меры, чтобы обезопасить движение колонн из Смоленска в Москву¹⁵.

В октябре 1812 г. А.Н. Струйский сражался при Тарутине и Малом Ярославце. При преследовании неприятеля он отличился в сражении при Красном, где был ранен пулей в правую ногу и за храбрость награжден орденами Св. Георгия 4-го класса и Св. Анны 2-й степени. В своих «Записках» А.П. Ермолов так описывал участие л.-гв.драгунского полка в этом сражении: «Усмотренный вдали неприятель в продолжение большей части дня [5-го ноября.— С.Б.] проходил отдельными толпами, из которых редкие были свыше двух тысяч человек, в совершенном расстройстве. Под огнем батарей наших оставляли они орудия, бросали обозы и рассеянные, с огромною потерей спасались в леса. Некоторые отважно прошли далее, но пали под штыками дивизии гренадерской графа Строганова и 3-й пехотной. Одну из колонн атаковали полки лейб-гвардии драгунский, гусарский и уланский, и хотя нанесли ей чувствительный урон, но глубокий снег во рвах по бокам дороги не допустил истребить ее, и, прикрываясь ружейным огнем, не отклоняясь даже с дороги, она прошла в Красный»¹⁶. В реляции о награждении А.Н. Струйского орденом Св. Георгия 4-го класса от 9 ноября 1812 г. говорится, что он был награжден «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года ноября 3, 4, 5, 6, 7 и 9 при Красном, где явил пример храбрости и неустрашимости при атаке и поражении неприятеля». В его представлении к ордену Св. Анны 2-й степени отмечалось, что Струйский вместе с другими офицерами полка «с примерно неустрашимостию атаковали неприятеля поутру и после обеда, ревнуя превзойти один другого, поражали жестоко неприятеля, множество убитых и около 900 пленных последствием сего дела были»¹⁷. Его имя было выбито на стене № 24 Галереи воинской славы Храма Христа Спасителя в числе раненых в сражениях 2–6 ноября 1812 г. и награжденных орденом Св. Георгия 4-го класса.

В 1813-1814 гг. А.Н. Струйский сражался при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Фер-Шампенуазе, находился при взятии Парижа. За отличие в различных сражениях он был награжден орденами Св. Анны 3-го и 2-го класса, Св. Анны 2-го класса с алмазами, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой с надписью «За храбрость», Кульмским крестом, а также серебряными медалями в память войны 1812 года и за взятие Парижа¹⁸.

Во время военной службы А.Н. Струйский участвовал более чем в 25 сражениях, был дважды ранен. По свидетельству Е. Боброва, «раз, как он сам рассказывал, он едва не лишился жизни, будучи задавлен

убитою под ним лошадью, и спасся только, благодаря своевременной помощи верного своего слуги, Леонтия Федорова»¹⁹.

Александр Струйский был любимцем великого князя Константина Павловича, отличался горячностью, прямодушием и любовью к справедливости, о чем свидетельствует история, рассказанная Е. Бобровым: «У А.Н. Струйского был товарищ по службе и по оружию, некто Чичерин. Цесаревич очень любил обоих, как Струйского, так и Чичерина. Однажды дружба между Струйским и Чичериным нарушилась по следующему поводу. Награды за военные отличия раздавались и после окончания войны 1812 г. Награждали, между прочим, австрийским [не австрийским, а прусским. — С.Б.] орденом *pour le merite*. При раздаче этого австрийского знака произошла ошибка. Александр Николаевич взял в плен небольшой отряд неприятелей, как сказано было в приказе, удачно и без особого кровопролития. В реляции же на месте имени Струйского оказалась фамилия Чичерина, который и получил *pour le merite*. Тогда возмущенный А.Н. Струйский потребовал от Чичерина, чтоб он отказался от незаслуженной награды, доставшейся ему по ошибке. Чичерин отказался выполнять требование Струйского, и тот вызвал его на дуэль. Цесаревич, узнав о происшедшем, немедленно прислал орден и Струйскому, а дуэль запретил; но Струйский продолжал настаивать на том, чтобы Чичерин отказался от ошибочной награды. Константин Павлович, вытребовав А.Н. Струйского, строго заметил ему:

— Струйский, ты шалишь?

— Я не шалю, ваше высочество.

— Я не позволяю драться с Чичериным на дуэли.

— А я не желаю долее служить под командою вашего высочества, — бесстрашно отвечал Александр Николаевич» и вскоре подал в отставку²⁰.

В 1818 г. А.Н. Струйский женился на Авдотье Николаевне Чириковой. Обстоятельства его женитьбы так описаны в письме к матери из С.-Петербурга 4 сентября 1818 г.: «Известная штатс-дама, фельдмаршальша, графиня Прасковья Васильевна Пушкина воспитывает у себя внучку, прекрасную собой, Авдотью Николаевну Чирикову. Я, не будучи знаком с графиней, не имел другого случая с нею себя коротко познакомиться, как не через Марью Степановну [Мартынову. — С.Б.] и, наконец, просил ее узнать мнение Авдотьи Николаевны, согласна ли она будет выйти за меня замуж. Получа ее ответ, соответственный моему желанию, она, не теряя времени, довела до сведения самой графини <...>. Спустя несколько времени, графиня своеручно уведомляет Марью Степановну, что участь Авдотьи Николаевны с того времени уже решена и что она сама, вытребовавши позволение от батюшки Авдотьи Николаевны располагать по ее согласию, просит покорнейше доставить случай меня к себе представить в назначенный час»²¹. И далее он сообщает матери о своем бедственном финансовом положении: «Сколь приятно поздравить вас с радостным известием, дражайшая матушка, но

не менее того весьма больно положением своим предупредить, что, не имевши в виду денежных оборотов, крайне затруднительно устроить свое благополучие. Я, теперь находясь в необходимости иметь карету, лошадей, квартиру, мебель, посуду, а, судя по остаткам моих финансов, они не только не достаточны на употребление заведения, но и едва ли буду иметь возможность расплатиться с извозчиками, ибо исканья знакомства с ее родственниками стоят уже мне не малое число суммы денег. Но какое же предприятие могло бы быть без оных: таков уже ныне век»²².

Молодые супруги поселились в Петербурге на Семеновской набережной Фонтанки, в доме Ходнева (№103)²³. У них было трое детей. Единственный их сын Эммануил умер в младенчестве. Старшая дочь Прасковья (ок.1822-?) вышла замуж за служащего французского посольства виконта де Монкабрие и уехала с ним в Тулузу. Младшая дочь Александра (ок.1830-?) была нелюбима матерью, объявлена душевнобольной и отправлена во Францию к сестре, где воспитывала после ее смерти «осиротелых детей»²⁴.

А.Н. Струйский был крестным отцом известного поэта А.И. Полежаева и принимал самое живое участие в его судьбе. Будучи в Петербурге в 1824–1825 гг., поэт останавливался у него дома. В своей поэме «Сашка», написанной в подражание «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, А.И. Полежаев в ироническом стиле описал характер своего дяди и некоторые подробности его семейной жизни:

Мой дядя – человек сердитый,
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто,
Его немножко я люблю!
Он – черт, когда разгорячится,
Дрожит, как пустится кричать,
Но жар в минуту охладится –
И тих мой дядюшка опять.
Зато какая же мне скука
Весь день при нем в гостинной быть,
Какая тягостная мука
Лишь о походах говорить,
Супруге строить комплементы,
Платочки с полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Детей в колясочке катать,
Точить им сказочки, да лясы,
Водить в саду в день раза три
И строить разные гримасы,
Бормоча: «Черт вас побери!»

.....

С каким терпением и почтением
Его он слушал по часам,
С каким всегда благоговением
Ходил с ним вместе по церквам...
С какою пылкостью восторга
Хвалил он дядины мечты,
Доказывал премудрость бога,
Вникал в природы красоты.
С каким он жаром удивлялся
Наполеонову уму,
И как делами восхищался
Моро, и Нея и Даву;
Бранил всех русских без разбора...
И в Эрмитаже от картин
Не отводил ни рта, ни взора...
И потакал, и лицемерил,
И льстил бессовестно, и врал!
А честный дядя всему верил
И шельме денежки давал...²⁵

26 августа 1824 г. А.Н. Струйский поступил на статскую службу чиновником по особым поручениям при Ярославском гражданском губернаторе. В 1826 г. за усердие, проявленное при строительстве казенных зданий и бескорыстие, он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В мае 1827 г. Струйский был отставлен от должности, а в декабре того же года принят чиновником особых поручений к С.-Петербургскому гражданскому губернатору Безобразову. В этой должности он прослужил до апреля 1829 г.²⁶

Находясь на службе, как сообщает Е. Бобров, Струйский не сделал большой карьеры, «ибо не обладал нужными для этого, особенно в то время, талантами, т. е., говоря словами Чацкого, был рад служить, но не умел прислуживаться»²⁷. Хотя он и был весьма вспыльчивым человеком, но зато отличался откровенностью, прямоотой, добродушием и честностью. О его честности, в частности, свидетельствует следующий рассказ Е. Боброва: «Александр Николаевичу была поручена постройка казарм в Ярославле. В это время губернатором был там некто А.М.Б., приходившийся Александру Николаевичу Струйскому родственником по жене и занимавший впоследствии высокий пост. Губернатор был председателем приемной комиссии. За несколько дней до окончания дела Струйский был у Б. и сообщил ему, что он на днях представит отчет о постройке, а также и получившиеся в экономии остаточные суммы в количестве 40000 рублей с несколькими сотнями. Б. предложил строителю Струйскому поступить в духе времени, а именно: сотни объявить и представить по начальству, а тысячи разделить пополам. Такое предложение вывело честнейшего Александра Николаевича из себя: он наговорил губернатору дерзостей, вышел из его кабинета, хлопнул дверью и на дру-

гой же день поехал с отчетом в Петербург. Но из этого ничего не вышло. Б. был по жене сродни всемогущему А.Ф. Орлову, который стал Струйскому мстить и преследовал до конца его жизни. После столкновения с Б-ым А.Н.Струйский оставил службу и поселился сначала в Петербурге, а с 1831 года в Рузаевке»²⁸.

Участник нескольких военных кампаний и более 25 сражений, получивший в боях два тяжелых ранения, кавалер многих боевых наград, отставной гв. полковник А.Н. Струйский был зарублен топором собственным крестьянином. «Это было в голодный год, — писала Н.А. Тучкова-Огарева. — Александр Николаевич Струйский запрещал своим крестьянам ходить по миру, а между тем сам не давал им достаточно хлеба. Однажды он воротил крестьянина Семена, которого встретил с сумою; через день или через два дня Александр Николаевич поехал в поле; ему опять попался навстречу тот же крестьянин с сумою... В самый полдень лошадь его пришла домой без седока; послали верховых узнать, что случилось, и нашли помещика в поле с отрубленную голову»²⁹.

Примечания

¹ Белоусов С.В., Букреева Е.М. Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский // Бородино в истории и культуре: материалы Международной научной конференции (Бородино, 7–10 сентября 2009 г.). Можайск, 2010. С. 116–134.

² Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2788. Л. 11–12.

³ Подробнее о роде Струйских см.: Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003. С. 5–9.

⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: в 10 ч. СПб., 1797. Ч. 3. С. 51.

⁵ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1 // Русская старина. 1903. № 8. С. 265.

⁶ О дружеских отношениях Н.Е. Струйского с Ф.С. Рокотовым подробнее см.: Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского... С. 72–74.

⁷ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 158–159.

⁸ Долгорукий И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Пг., 1916. С. 359. Н.Е. Струйский скончался 2 декабря 1796 г. в Рузаевке, менее через месяц после смерти Екатерины II.

⁹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 159–160.

¹⁰ О Е.Н.Струйском подробнее см.: Белоусов С.В., Букреева Е.М. Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский... С. 124–130.

¹¹ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 268.

¹² Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 197.

¹³ Крестовский В. История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1876. С. 25.

¹⁴ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об-120. Безусловно, за отличие в сражениях 1805 и 1807 гг. А.Н. Струйский должен был быть награжден. Однако его формулярный список не дает возможности точно определить полученные награды, так как они приведены общим списком, без указания сражения, за которое выдавались. Известно, что к ноябрю 1812 г. он уже имел ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом (РГВИА. Ф. 29. Оп 153г. Св. 10. Д. 15. Л. 116об). Мы можем лишь предположить, что за отличие при Аустерлице А.Н. Струйский получил орден Св. Анны 3-й степени, награду, которая во множестве выдавалась гвардейским офицерам. Ф.Ф. Вигель по этому поводу даже с сарказмом замечал: «Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая в сей войне, не столько ненавидела в нем [Наполеоне. — С.Б.] врага своего отечества, как маленького поручика, дерзнувшего воссесть на престоле великого Людовика; она спесиво и грозно толковала о будущих своих подвигах, над чем иные тайком смеялись, будто по ошибке, вместо *геро* называя их *зеро* и розданным ей во множестве аннинским шпагам давая название ослиных шпаг: *вле* вместо *Аппе*» (Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).

¹⁵ Попов А.И. Дорохова рейд // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 254–255.

¹⁶ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 239–240.

¹⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп 153г. Св. 10. Д. 15. Л. 116об.

¹⁸ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об-120.

¹⁹ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 275.

²⁰ Там же. С. 275–276.

²¹ Там же. С. 276.

²² Там же. С. 277.

²³ Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского... С. 22.

²⁴ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 277–278.

²⁵ Цит. по: Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 278–279.

²⁶ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об–120.

²⁷ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 275.

²⁸ Там же.

²⁹ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959. С. 35–37; Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. II // Русская старина. 1903. № 9. С. 481–485. Подробности уголовного дела об убийстве А.Н. Струйского см.: ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2596.